

АЛИСА
ЛИМАН

ДОЧЬ ДРУГА
*Желание между
нами*

Алиса Лиман

Дочь друга. Желание между нами

<https://litres.ru/74205407>

Аннотация

НОВИНКА АВТОРА♥# "Ты (не) вернешь нас, офицер"
— Не. Ваше. Дело! — хочу вырваться. — Ошибаешься.
Все, что связано с МОИМ ребенком — мое дело! И если ты посмеешь ему навредить, клянусь, — зло выдыхает и на полном серьезе продолжает, — я убью тебя, Пчелка. И от того больнее, что он до сих пор использует мое детское прозвище. Будто я все еще маленькая Пчелка Майя, а он дядя Леша, друг моего папы, который на каждый праздник присылает нам с братом подарки и неизменно дарит мне цветы. Единственный. Любимый. Только теперь я жалею о своей глупой влюбленности. Ведь он... уничтожил мою семью. И все, что я могу сделать в отместку, это лишить его ребенка. Нашего неродившегося ребенка. Ошибки одной ночи. Одного иронично исполнившегося желания...

Содержание

Глава 1. ОНА	4
Глава 2. ОН	14
Глава 3. ОН	28
Глава 4. ОНА	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Глава 1. ОНА

«Аборт пятно на всю жизнь!» — укоризненно глядит на меня надпись со стены. И крохотный малыш на том же плакате. Улыбается...

Не смотри, дура! Не смотри.

Опускаю взгляд. Дрожащей рукой стучу в дверь кабинета, где решится моя судьба. Приоткрываю.

— Ожидайте! — будто цербер из преисподней. — Вас зовут!

Закрываю. Падаю на стул у двери.

Я знаю, что буду гореть в аду за свое решение. Потому что я чудовище. И нет мне никаких оправданий.

Я пришла на аборт не по показаниям. Ни угрозы жизни. Ни болезней.

Я абсолютно здоровая молодая мама. Вернее... могла бы ей стать. Если бы не пришла прервать не начавшуюся жизнь невинного ангелочка.

Всего лишь из-за того, что он был зачат мерзким животным. Которого я когда-то по наивной глупости любила.

Меня трясет уже всем телом. Будто я замерзла. Даже дергает слегка.

Не знаю куда деть руки, вдруг ставшие лишними. Обнимаю себя за плечи, пытаюсь согреться. Откидываюсь на стуле, и приподнимаю голову, стараясь сдержать слезы.

«Не убивай меня, мама...» — прямо перед глазами.

Всхлипываю от рыданий, рвущихся наружу. До крови прикусываю губу и прячу лицо в ладони.

— Прости... — шепчу сквозь слезы. — Прости меня...

Раскачиваюсь на стуле, как пациентка психбольницы.

— Успокаивайся, дорогуша, — цербер выглядывает из кабинета. — И проходи в кресло.

Отнимаю руки от лица. Смотрю на взбитую женщину в белом халате.

— П-подождите, — шепчу умоляюще, обнимаю руками живот. — Мне пару минут всего надо. П-подум-мать...

— А че тут уже думать? — зло отзывается доктор. — Это надо было делать, когда ноги раздвигала!

Перестаю всхлипывать. Приосаниваюсь, стараясь не дрожать:

— Тогда это чудовище еще не уничтожило мою семью! — цежу я, глядя хамке в глаза.

И улыбаюсь, глотая слезы, как все та же пациентка психиатрички.

Тетка, востепенувшись, щелкает языком:

— У тебя две минуты! — скрывается за дверью.

Откидываю голову на стенку, нарочно ударившись сильнее, чтобы уже в чувства себя привести. Закрываю глаза, чтобы не видеть всех этих плакатов бесячих!

Надо срочно успокоиться. А я пока с трудом сдерживаюсь, чтобы не выть в голос. Какое уж там спокойствие. Еще и за

две минуты.

Вот бы время остановилось. Или весь мир вымер. Или хотя бы один конкретный мерзавец! Тогда у меня не было бы повода оставаться здесь... Но это все, что я могу сделать, чтобы отомстить.

Он забрал у меня мою семью. Но так как у него самого никого нет, единственное, чего я могу его лишить в ответ, это его ребенок. Мой ребенок. Наш...

— И какого хера ты тут делаешь? — рокошет над головой до омерзительных мурашек знакомый голос.

Вздрагиваю и открываю глаза.

Нет... нет, только не он!

Огромный как скала. Красивый, как сам дьявол. А ведь раньше я считала его едва ли не богом...

Алексей Мансуров — мой худший кошмар. Мое проклятие.

Смотрит на меня ненавидяще своими черными глазами. Вижу, как под густой бородой желваки играют.

— Значит решила избавиться от моего ребенка, — цедит он, — даже не сообщив мне о нем?!

Вот черт... он все знает!

Вскакиваю на ноги. Хватаюсь за ручку спасительной двери. Но он ловит меня за косу и, наматывая ее на кулак, притягивает меня к себе. Разворачивает к себе лицом:

— Я задал вопрос, Мая, — требует зло.

— Не. Ваше. Дело! — выплевываю я, пытаюсь вырваться.

Встряхивает меня, натягивая мои волосы на своем кулаке:
— Ошибаешься, — шипит мне в лицо. — Все, что связано с моим ребенком — мое дело! И если ты посмеешь ему навредить, клянусь, — выдыхает и на полном серьезе продолжает, — я убью тебя, Пчелка.

И от того большее, что он до сих пор использует мое детское прозвище. Будто ничего не изменилось. Будто я все еще маленькая Пчелка Майя, а он дядя Леша, который на каждый праздник присылает нам с братом подарки и неизменно дарит мне цветы при каждой встрече. Единственный.

У меня в глазах слезы собираются. Как же я его любила...

Дверь в кабинет открывается:

— Барышня, долго вас ждать?!

— Она не идет, — отвечает за меня мерзавец.

— Спасите меня, — шепчу я, бросая умоляющий взгляд на женщину. — Он — тот, о ком я вам только что говорила!

— Семейные разборки — не мой профиль! — она хлопает дверью.

Я с отчаянием возвращаю взгляд глаза в глаза самой большой опасности в моей жизни. Самой большой ошибке.

— Дядь Леш, — шепчу я сквозь слезы. — Ну отпустите вы меня, умоляю...

Вижу, как взгляд его темных глаз смягчается. И рука в моих волосах тяжелеет. Он проводит костяшками пальцев по моему подбородку, собирая мои слезы.

— Не могу, Пчелка, — хрипит он. — Я обещал твоему

отцу, что позабочусь о тебе.

— Ненавижу! — шиплю я. — Да как у вас язык поворачивается приплетать сюда моего отца! После всего... Чудо-вище! Отпустите меня! Вы не имеете права ко мне прикасаться!

Его лицо опять становится непроницаемым. Он снова встряхивает меня за волосы. Грубо притягивает к себе за талию, вжимая в свое тело, явно демонстрируя кто здесь хозяин:

— Еще как имею! И буду прикасаться! Ведь матерью моего ребенка может быть только... моя жена!

— Ч-что? — меня еще сильнее колотит. Голова кружится. Ноги подкашиваются.

— Хочешь ты того или нет, мы сейчас едем в ЗАГС.

— Я отказываюсь!

— Вне зависимости от твоего ответа, нас поженят, — безразлично отвечает он. — Я бы мог повернуть все и без тебя. Но решил, что ты захочешь присутствовать на собственной свадьбе.

— Ублюдок! Я никуда не пойду! Только через мой труп...

Мои ноги вдруг отрываются от пола, и я оказываюсь в руках мерзавца:

— Труп не может выносить для меня потомство, — холодно заявляет он, направляясь к входной двери со мной на руках. — Ребят, вещи для моей жены готовы?

Его охранники кивают и накрывают меня белоснежной

шубкой:

— Это не мое! — протестую я.

— Теперь твое, — продавливает меня Мансуров. — Моя жена не может ходить в потасканном пуховике.

— Если беспокоитесь о репутации, то для начала не стоит красть людей среди бела дня!

— Не угадала, — он слегка заворачивает меня в шубу. — Я вовсе не о репутации беспокоюсь.

Его ребята открывают перед нами двери женской консультации, и мы выходим на мороз.

Икаю от слез. Прячу голову под белый мех и уношусь воспоминаниями в тот раз, когда ему тоже не угодил мой внешний вид.

— Ну здравствуй, дружище! — папа горячо обнимает своего давнего друга. — Спасибо, что пригласил!

— Хотел убедиться, что ты меня понял в прошлый раз, — холодно отзывается Мансуров.

Папа серьезнеет. Весь подбирается. Прочищает горло:

— Мне казалось мы уже все обсудили, Лех.

Мне не нравится воцарившаяся атмосфера. И кажется я понимаю, о чем они.

Дело в том, что отец должен своему другу кругленькую сумму денег. И в прошлый раз, встретившись в мой день рождения они даже подрались из-за этого. Я собственными ушами слышала, как Мансуров угрожал отцу. Но на утро они вроде помирились, и я понадеялась, что это была стыч-

ка по-пьяне.

Но сейчас это напряжение...

— Дядь Леш, — встречаю я нерешительно, пожалуй, впервые в жизни решившись заговорить с ним первая, — у вас такой дом красивый.

Он наконец замечает меня у папиного плеча. Уголок его губ дергается в ухмылке:

— Тебе нравится?

Киваю уверенно:

— Только страшно представить, как же его убирать такой большой. В понедельник начал к воскресенью закончил, и начинай сначала? — смеюсь я.

— Для этого прислуга есть, — оживает папа. — Иначе с таким дворцом и не справиться. Вот это да, Леха! Это ты себе отгрохал хоромы, конечно!

Пока отец изучает «хоромы», я как обычно глаз не могу оторвать от их владельца. Он как всегда... бог.

— И кто все эти люди? — заговорщически шепчет папа, кивая на кучу машин на парковке.

— Друзья. Коллеги. Партнеры, — пожимает плечами Мансуров. — Иди знакомься. Может связями полезными обзаведешься.

Папа шагает к дому первый. А его друг смеряет меня строгим взглядом. Фокусируется на моих сапожках на невысоком каблуке:

— Дорожка скользкая. Руку давай, — не дожидаясь моей

реакции ловит мою ладонь и кладет в сгиб своего локтя.

Не отпускает, согревая до дрожи замерзшие пальцы своей огромной ручищей.

— Где твой брат? — интересуется сухо.

— Он решил праздновать со своими друзьями, — спешу ответить.

— А ты?

— Что я?

— Разве у тебя нет друзей?

— М-м, — качаю головой.

Никого, с кем я хотела бы встретить Новый год сильнее, чем с этим мужчиной.

— Что, и парня нет? — продолжает допытываться.

— Нет.

— Почему? — задает он странный вопрос.

Поднимаю на него удивленный взгляд:

— Что значит «почему»? Нет и все.

— Не зовут или сама не хочешь? — не отстает.

— Папа не одобряет, — честно отвечаю.

Замечаю, как под густой бородой играют желваки:

— А ты что думаешь? Тебе самой кто-нибудь нравится?

Теряюсь. Смуцаюсь.

Меньше всего я ожидала услышать подобный откровенный вопрос от него.

— Если отец против, я могу повлиять. Только скажи, — продолжает он.

Гляжу, как он открывает передо мной входную дверь. Высокий. Мощный. С большими шершавыми руками. Бесцеремонный. С запущенной бородой. И равнодушием во взгляде.

Разве мне может понравиться кто-то другой, когда рядом есть ОН?

— Заходишь? — кивает в дом.

Вхожу в залитый светом просторный холл. Ноги околе-ли, сапоги протекают. Поэтому хочу поскорее избавиться от них.

Наспех разуваясь и с удовольствием ставлю сырые ноги на теплую плитку.

Неторопливо растягиваю молнию на пуховике, с любопытством озираясь по сторонам. Люстра высотой в два этажа привлекает особое мое внимание.

— Вау... — выдыхаю. — Это очень красиво...

Ловлю на себе взгляд Мансурова. Он следит за моей реакцией. Окидывает мрачным взглядом с головы до пят. Почему-то хмурится.

— Что-то не так? — прикусываю губу.

— Да, — холодно отзывается. — Твоя одежда. Отвратительная.

Разворачивается и направляется к большому скоплению гостей, туда, где папа уже завел с кем-то беседу. А я так и стою в полу растёгнутом пуховике, пытаясь не разреветься.

Как унизительно.

Ему отвратительна моя одежда. А может и само мое присутствие. Не зря он так настойчиво расспрашивал меня о брате, друзьях и парне. Ему нужен был только мой отец. Чтобы в очередной раз напомнить о долге. А я притащилась незваным гостем.

...

Если книга зацепила — ставьте лайки и добавляйте в библиотеку, чтобы не потерять!

Промо на мой текущий процессник:

vuIyxGTj

Ловите промо и в следующих продажах!

Глава 2. ОН

— Это еще что? — бросаю короткий взгляд на фотки, что легли ко мне на стол.

— Вы ведь просили присмотреть за дочерью Владислава Лебедева. Тут полный фотоотчет за последние недели.

— В двух словах — что там? У меня нет времени на фотки пялиться, — нагло вру, потому что взгляд наглухо прилипает к девочке на фото.

Выглядит плохо. Кажется, даже хуже, чем обычно. На ней все тот же отвратительный пуховик. И изрядно потасканный жизнью рюкзачок. Неужели я недостаточно денег им с отцом отсыпал за собственную тупость?

Щеки впали, будто она не ест совсем. Под красивыми прозрачно-голубыми глазами пролегли темные круги. Веки слегка припухшие, покрасневшие:

— Почему она плакала? — хмурюсь.

— Тут такое дело, — мямлит Стас, — она одна осталась.

— В смысле? — поднимаю взгляд на своего секретаря, ставшего в последние недели еще и шпионом на полставки.

Не мог я столь деликатный вопрос, как слежка за дочерью друга, доверить постороннему человеку.

Бывшего друга. Подставил он меня нехило. Вместе с этой своей дочуркой глупенькой. Развели как лоха.

И дело, пожалуй, даже не в финансовых потерях, что я

понес. И не в угрозе моей репутации. А в том, что лохом быть я не люблю.

— У нее отец с братом пропали, — говорит вдруг Стас.

— Вот как, — выдыхаю без эмоционально.

— Девчонка всем инстанциям уже пороги оббила. К слову, вас винит в их пропаже.

— А я виноват?

Стас морщится:

— Косвенно.

— Выкладывай, — требую.

— Помните пару недель назад у наших ребят стычка с шакалами Болота была?

Мрачнею.

— Так вот наши их слегка проредили. И в бетон. А ребята, которых я брал за девчонкой наблюдать признали в одном из жмуров того деда, что к дочке Лебедева подкатывал. Помните?

Как уж тут не запомнишь, мне как наши пацаны рассказывали, какую картину запалили, в квартире Влада, меня чуть не вывернуло.

Мол некий престарелый гость усердно пытался защемить дочку моего бывшего друга в углу. Руки распускал.

Вот я и натравил ребят на этого гондона старого. Проверить для начала, что за хрен. Оказалось, он не только на юную плоть падкий, еще грешки имеются. В общем было за что спросить.

Только не думал, что Влад идиот с ним в один замес попадет. Да еще и сына за собой потянет. Хотя, с него станется...

— С чего решил, что Лебедевы там же были? — уточняю.

— Они домой в тот вечер уже не вернулись. Да и ребзя говорит мол по описанию похожие были.

Ну вот ты и доигрался, мой друг.

Печально...

— Проверить можно? — без особой надежды спрашиваю я. — Мне нужна точная инфа.

— Без вариантов, Алексей Михалыч. Сами понимаете, — разводит руками.

— Пиздец, — шиплю я сдавленно.

Ослабляю галстук. Каюсь, мелькала у меня мысль Влада грохнуть после всего, что он наворотил, скотина. Да пожалел. Все же двадцать лет дружбы перевесили всю хуйню, что он мне сделал.

— Раз нет доказательств, что Лебедевы были там, значит ищи их как живых. Понял меня?

— Понял!

— И почему, ты блядь, сразу мне не сказал? — рычу, желая на ком-то выместить свою злую скорбь.

— Так вы же сами сказали, что о Владе этом больше слышать не желаете. Велели только о девчонке докладывать. Чтобы жива и невредима.

Велел, блядь. Велел.

— Ты понял меня слишком буквально. Че тогда шас взду-

мал притащиться? — грохочу.

Он молчит слишком долго. Гребанных две секунды.

Вскакиваю из кресла и потянувшись через стол ловлю его за воротник:

— Что с ней?!

— Не-не, она жива-здорова.

— Уверен? — угрожающе рычу.

Судорожно кивает.

Оседаю обратно в кресло:

— Но? — помогаю ему продолжить.

— Н-но... только что в больницу вошла.

— В какую еще нахуй больницу, Стас?! Ты же сказал, что она в порядке?

Кивает, как собачка на приборной панели. Часто-часто. Нервно так:

— Пока да.

— Не понял? Она на органы что ли пошла продаваться? Что блядь значит твое «пока»?! — меня снова подрывает с места. Уже тянусь к его ебаному галстуку, чтобы придушить.

— Она это... — отшатывается от моей руки, — беременная кажись...

Так и зависаю с протянутой рукой. Воздух глотаю.

— Че сказал? — пропихиваю слова сквозь ком в горле.

— От кого?

— От... в-вас походу.

— Ты че блядь, пошутить надо мной вздумал? — я пре-

зрительно шурюсь, в горле соль собирается. — Я же тебя сейчас прям здесь раскатаю в коврик. Знаешь же, сука, что у меня не получается детей иметь.

— Но у нее больше никого не было. Мы ж за ней круглосуточно блюли. Комар бы не пролетел.

— Комар не пролетел. А дед залетел! Иди да поздравь своего жмура с наследником! Посмертно!

Говорю холодно, а самого выворачивает буквально. Как старая травма на погоду реагирует. Выкручивает. Только в разы сильнее.

Как представляю, что какой-то ублюдок престарелый к этой юной девочке прикоснулся, блевать охота.

Хотя, чем я лучше? Почти ровесник ее отца, а повелся. Как тупой скот.

Вот и получил по заслугам. Дядя Леша...

— Да не успел он, — уверяет меня Стас. — Так, облапал слегка девчонку. Мы тогда с ребятами решили, что вам это может не понравиться и окно им на всякий случай разбили. Вроде как отвлекающий маневр. Деда вспугнули. А на следующей день он в разборки попал. И все.

Стясян молчит, явно ожидая от меня каких-то команд. Но я будто окаменел. Поэтому он вынужден подытожить:

— Так что... ребенок ваш. Инфа сотка.

Нет-нет-нет... Невозможно.

У меня столько баб было.

Еще и две жены, с которыми я развелся потому что не

получалось у нас детей завести.

А тут одна ночь по-пьяне и на тебе... Не бывает же так!
И почему именно с ней?

Это же вообще глупость такая! Я ее и ебать-то не соби-
рался. Фу, боже!

Сам себе противен. Как вспомню...

Мы ведь с Владом из-за этого поначалу и зарамсили.

— *Пойдем покурим, — Влад открывает дверь в зал, что-
бы пройти на балкон.*

*Квартирка у него небольшая. Зато уютная. Я сам в та-
кой же вырос.*

*Мы с Владом соседями были. Тогда и задружились, хоть
он и был постарше.*

Потом у него жена, дети. А я в карьере ударился.

*Тогда мне казалось, что я типа красавчик. Развиваюсь.
Расту. А Влад вроде застрял в болоте этой бытовухи се-
мейной. Я даже денег ему неоднократно занимал, чтобы
подтянуть его на свой «уровень».*

*А теперь думаю, что в болоте как раз-таки я. И уровень
мой в заднице.*

Бабки — все, что у меня есть.

*А Влад с сыном на рыбалку любит ездить. Жена его кра-
савица — всегда готовила вкусно. Ее не стало пару лет на-
зад. У меня так за друга душа болела. В какой-то момент
показалось, что он с ума сходить начал. Денег просил на
всякие сомнительные предприятия. Я давал. Мне не жалко.*

Потом он затих. Пропал с моих радаров на время. Но ничего. Появился. Вычихался вроде. Семья помогла.

Теперь вот походу дочка эстафету по готовке и домашнему уюту переняла. Выходит, не хуже, чем у матери было.

Наверно поэтому меня так тянет к ним на праздники. Семейное застолье. Душевно так. Хоть в горе, хоть в радости.

У меня-то из семьи совсем никого не осталось. Родители умерли давно. Два развода за плечами. И детей не выходит. Вот я к семье Влада и прибилсь по старой дружбе. Его дети мне своих заменили отчасти. Хоть есть кому подарки на всякие праздники дарить.

Сегодня вот как раз день рождения у дочки Влада. Восемнадцать лет. Совсем большая стала. А я даже не успел поздравить нормально.

Приехал, когда она уже спала. Подарок отцу отдал. На мой взгляд на совершеннолетие ребенку лучший подарок — это пачка наливки. Так и сделал.

— Что думаешь? — пьяно кивает Влад на свою спящую дочь.

— Думаю, что пора бросать курить, пока мы не заморозили мелкую, — дергаю край одеяла, прикрывая ножки в плюшевых носочках.

Выходим на балкон. Закуриваем.

— Заберешь себе в счет долга? — затянувшись, Влад кивает в сторону комнаты, где на диване спит красивая де-

вочка Мая.

— Тупые у тебя шутки, брат, — щурюсь от дыма, застилающего глаза мутной поволокой.

Взгляд невольно прилипает к картинке за стеклом балконной двери: длинные ножки, упругая попка в коротеньких шортиках, очень узкая талия.

Кажется, я слишком давно ее не видел. Так выросла. Сколько лет я не приезжал? Наверно с похорон ее матери?

— А если я не ищущу? — не унимается друг. — Меня эти долги заебали. Хоть с тобой расплачусь уже легче будет.

— Херню не неси. Я тебя не подгоняю. Отдашь как сможешь. Я же не за этим приехал...

— Да не смогу я! — взрывает его вдруг. — Не потяну, понимаешь?! А так и дочку в надежные руки пристрою. И от долга избавлюсь.

Начинаю догонять, что он кажется серьезно сейчас:

— Ты в своем уме? — брезгливо бросаю. — Она же еще ребенок.

— Большие нет, — отмахивается. — Сегодня отметили совершеннолетие, забыл? Я этого дня последние пару лет ждал. Ей все равно рано или поздно чьей-то женой придется стать. Так пусть хоть пользу семье принесет.

Зверею:

— Клянусь, Влад, еще одно слово и нашей дружбе конец, — шиплю предупреждающе, нервно вдавливая сигарету в пепельницу.

Исподлобья поглядываю на девчонку. Лишь бы не проснулась.

Если он даже мне настроение испортил, сука. Представляю, каково ей будет этот пьяный бред в день рождения услышать.

— Ну не тебе, так кому другому продам, — бормочет себе под нос Влад.

Мой кулак летит вперед мысли и врежется в челюсть друга прежде, чем я успеваю взвесить что мне за дело до судьбы этой девочки.

Ну да, знаю ее с малого, на каждый праздник отправляю ей и ее брату подарки. Но если до нее собственному отцу дела нет, то зачем мне лезть?

Хотя есть у меня одно объяснение: это тот случай, когда я готов отдать все что имею, ради того, чтобы у меня ребенок появился. А он так беспечно своего продает, ради каких-то фантиков.

Влад едва не падает. Роняет какие-то горшки с цветами, поднимая грохот. Еще и вопит, как ишак.

Хватаю его за грудки как раз в тот момент, когда дверь распахивается и на пороге возникает Майя:

— Папа! — при виде меня сонные глазки моментально распахиваются: — Ой! Дядь Леш... вы п-приехали? Что у вас тут случилось? — в ужасе шепчет она, обнимая себя руками за худенькие плечики.

Футболочка натягивается на груди, и тонкая ткань под-

ло палит набухшие от холода розовые сосочки. Сама мелкая, но ножки длинные стройненькие. Красота.

И правда выросла девочка. Физически точно.

А вот в глазах все тот же наивняк детский. И как можно эту невинность бестолковую пытаться под кого-то подложить.

Переключаю внимание на Влада. Встряхиваю его за грудки:

— Только попробуй выкинуть нечто подобное, — рычу я в лицо своему явно перебравшему другу, — тебе тогда никакие деньги не помогут! Понял меня?! Если так сильно хочешь раздать долги, то давай на органы тебя попилим?! Я помогу! А все непригодное в бочку с бетоном...

— Дядь Леш, вы чего?.. — тонкие пальчики врезаются в мое предплечье, вынуждая меня ослабить хватку.

Ну вот, блядь. Вроде хотел заступиться. В итоге напугал.

Сдаюсь.

Но стоит отпустить Влада, как мне тут же прилетает в челюсть.

— Папа, хватит! — плачет Мая, втискиваясь между нами, будто прикрывает меня от своего отца.

Отталкивает его, тесно вжимаясь худенькой спинкой в мой торс.

— Ты на чьей стороне, дрянь?! — рывкает Влад.

— Просто перестаньте оба! — всхлипывает. — Пожа-

луйста.

Влад замахивается для очередного удара. И кажется метит в дочку.

Прикрываю ее голову и одним ударом вырубаю своего друга. Влад оседает по двери и вываливается в комнату.

А мы так и стоим.

Мая дрожит.

— Совсем глупая? Кто ж между сцепившимися мужиками влезает? — говорю строго, скользя взглядом по ее вздрагивающим плечикам, по ореолу растрепанных волос.

И все понять пытаюсь: спяну Влад эту чушь сказал или всерьез?

Не может же отец к своей крошке так относиться. Да если бы у меня была такая дочка, как Мая, я бы с нее пылинки сдувал.

Она же умница такая. Готовит как вкусно: вон какой стол сама себе на праздник приготовила. В доме чистота и уют. Для такой малышки она очень хозяйственная. Еще и красавицей выросла. Талантливая вся такая, отец успел расхвалить прежде чем с катушек слетел. Как же можно?..

Мне от одной мысли противно стало, чтобы я эту девочку хоть пальцем тронул.

Однако пьяные мозги становятся очень избирательны к нашему с Майей физическому контакту в свете поступившего предложения.

Мог ли бы я ее трахнуть?

Чисто технически... она ведь уже женщина. Фигурка у нее охуенная, надо признать. Упругая попка упирается в мои бедра. А моя ладонь неосознанно сжимает тонкую талию под короткой маечкой. Кожа — бархат. Со спины вполне такая сформировавшаяся девушка.

А с другой стороны совсем мальчика — не хотел бы я с подобной неопытностью связываться. Интересно, а она девственница?

Блядь, да при чем тут это вообще?! В первую очередь она девочка бестолковая, мальчика еще совсем! А ее отец продать за долги пытается, как кусок мяса.

Она даже пахнет как-то по-детски. Каким-то медом с ромашкой.

Понимаю, что неосознанно прижимаю девочку к себе. Одергиваю руку от ее талии:

— Заболеешь, Пчелка. Иди спать.

— Он-н жив? — дрожит она, не отводя взгляда от отца.

— Что с ним будет? Как раз проспится. Может мозги на место встанут.

Я тогда затащил его в комнату, чтобы балкон закрыть можно было. И ушел.

Влад на утро позвонил и извинился за свой ночной бред. Поклялся мне, что это он спьяну наморосил. И что это вообще я все не так понял.

— Я только хотел попросить тебя позаботиться о ней, если со мной что-то случится. Ты прав. Ей хоть и восемнадцать,

но такая еще мелочь.

Мы вроде даже помирились тогда.

Проблема была в том, что что он посеял какое-то гнилое зерно в моей голове. И потом эта мысль, так и не отпустила меня.

Вплоть до той ночи, когда я совершил непоправимую ошибку, поддавшись любопытству...

Блядь. Трясу головой, пытаюсь привести себя в чувства.

Это ж выходит зря я тогда ему рожу начистил? Надо было сразу соглашаться на его предложение. И не случилось бы всего того, что случилось.

Иронично.

Ребенок. От этого ребенка?

Не будь уже ханжой, Мансуров. Когда трахал ее — не слишком страдал по этому поводу. Вот тогда думать надо было! А теперь уже поздно. Мне нужен наследник. И чувю это мой последний шанс обзавестись потомством.

— Так это... — подает голос Стас, — вы спасать собираетесь? Время-то идет. Как бы не опоздать совсем.

— Кого спасать? — непонимающе уставляюсь на своего помощника.

— Ребенка же вашего.

— В смысле? — мрачнею в предвкушении херовых новостей.

— А я разве не сказал? Она в больницу на аборт пришла. Цепенею от ужаса. Но адреналин помогает быстро прийти

в себя:

— Твою мать! — перемахиваю через стол. — Пусть только посмеет... убью, суку!

Глава 3. ОН

Пока ехал в больницу почти удалось утомонить разбушевавшиеся эмоции. Спокойно роспись заказал на ближайший час. Велел ребятам своим одежду для невесты моей подготовить.

Но стоит ее увидеть и во мне какой-то зверь опять просыпается. Будто сто лет ее не видел. Хотя всего пару месяцев прошло. Но она другая совсем. Повзрослевшая что ли. Вся в слезах. Голову на стенку откинула. Воздух губами ловит, будто задыхается.

А я кулаки от бешенства сжимаю до хруста.

Больно тебе, сука?! Тогда зачем ребенка моего убить собралась?! Не входил он в ваши с папочкой планы, да?! Теперь войдет! Уж я-то об этом позабочусь!

Охренеть, просто.

Да чтобы меня на такие эмоции вывести, это же еще постараться надо. По крайней мере до нее ни одной женщине не удавалось такого. А тут даже не женщина. Девочка глупая.

Клянусь, я ее придушить хочу. В груди так и клокочет бешенство.

Ребенка моего убить захотела, дрянь?! Только посмей! Я прослежу, чтобы ты матерью ответственной стала. Это будет твоя плата за то, как вы с отцом меня подставили.

Грубо запикиваю Майю в машину и сажусь рядом.

— Я лучше умру, чем вашей женой стану! — шипит, швыряя в меня шубку.

В машине тепло, поэтому позволяю ей такую вольность.

Вот теперь вижу, что девочка и впрямь выросла. Вон какая характерная стала.

— Я не предлагаю тебе выбора, Майя. Мы поженимся, и ты станешь матерью моего ребенка, — отрезаю. — И послушной женой.

Признаться, дальше сегодняшнего дня я еще не рассматривал перспективы наших отношений. Одно точно знаю, раз она способна от меня понести, значит я ее уже точно не отпущу.

— Дай ногу! — требую.

— Чт-то? — теряется от неожиданной просьбы.

— Я сказал ногу! — рывкаю, но не дожидаясь очередного ее закидона наклоняюсь, и сам подхватываю ее ножки в потасканных сапогах на небольшом каблучке.

Кладу себе на колени, и сдергиваю по одному каждый сапожок. Открываю окно и тупо выкидываю их на улицу.

— Какого черта вы творите?! — вопит Майя. — Думаете я босая от вас сбежать не смогу, черта с два!

Игнорируя возмущения обнимаю ладонями ее влажные пальчики на ногах:

— Так и знал, — цежу зло.

Снимаю мокрые носки. Выуживаю из кармана пару белых мужских. Благо у меня всегда в любой машине найдется

несколько новых пар на случай ночевки вне дома.

Надеваю на сморщившиеся от сырости ножки. Почему-то я так и думал, что она снова будет с мокрыми ногами. Прямо как пару месяцев назад, когда она вошла в мой дом в наш роковой Новый год.

Эти ее мокрые следы на плитке меня тогда так взбесили, что я направился напрямик к ее отцу:

— Ты посмотри, как она одета, Влад, — цезю зло. — По-твоему это нормально? Я ведь подарил ей достаточно налички на днюху, чтобы элементарно одежды и обуви адекватной купить, нет?

— Согласен, друг. Так дело не пойдет, — он отшатывается от меня, и шагает мне за спину навстречу дочери: — Майя, почему ты меня позоришь столь неприглядным внешним видом?

Блядь, на весь зал!

Кто же такое делает прилюдно? Уже бы выпорол ее! Чем мелочиться?

Ладно. Мой косяк. Придется исправлять.

В ярости растираю ладонями лицо, поворачиваясь к Владу. Собираюсь уже было остановить публичную порку Пчелки, но так и замираю с открытым ртом, едва не подавившись резким вдохом, когда взгляд натывается на девочку.

Черное обтягивающие платье-мини просто идеально подчеркивает ее шикарную фигурку. Длинные рукава обнажа-

ют острые плечики. В глаза бросается черный бархатный чокер на тонкой шейке, со спускающейся к груди цепочкой. Хотя куда уместней бы на ней смотрелся какой-нибудь бриллиантовый ошейник. Но так тоже весьма охуенно.

На стройных ножках красуются высоченные гольфы, прошитые серебристыми нитями в самом верху. Залипаю...

В себя меня приводит голос, с недавних пор начавший казаться мне раздражающим:

— Посмотри, как все девушки одеты? И как ты?! — продолжает друг. — Это ведь неприлично.

Согласен. Это слишком вызывающе. Неуместно. Совершенно не подходит маленьким Пчелкам. Ведь девочки вроде нее должны вызывать умиление, но никак не... возбуждение.

Майя обнимает себя за плечи, будто желая спрятаться от десятка пар глаз, недобро уставившихся на нее. Но продолжает стоически сносить свой новогодний выговор.

— Вон и дядя Леша говорит, что ты ужасно вырядилась? — вдруг выдает Влад. — Да, Лех?

Что? Да я ведь вовсе не об этой одежде говорил.

Голубые глазки безошибочно находят меня. Теперь-то Майя уязвлено хмурится. Будто сдалась и больше не может вытерпеть нападки отца. Поджимает пухлые губки, будто сейчас расплачется, и... убегает из зала.

Вот черт.

— Да ты блядь издеваешься?! — одергиваю друга за плечо. — Я говорил о дырявых сапогах и худом пуховике! Неуже-

ли не видел, что у нее от холода губы посинели? При чем тут платье? Нормальное же платье! Зачем ты ее унизил при всех? Ребенку праздник испортил...

Я тогда отправил его успокоить дочку. И на несколько часов они пропали у меня из виду.

А я кажется из чувства вины слегка накидался, и к полуночи уже зажимался с какой-то потаскухой в кухне. Надо было срочно как-то разобраться с неуместным стояком.

Глава 4. ОНА

— Ч-что вы... делаете? — шокировано шепчу, непонимающе наблюдая, как Мансуров натягивает на мои сырые ноги огромные по размеру носки.

Вместо ответа он похлопывает ладонью по переднему пассажирскому, и охранник выдает ему один за другим новенькие красивые девчачьи угги на меху.

Беленькие. Прямо такие, как я давно мечтала.

В горле слезы застревают. Да он блин издевается надо мной!

— З-зачем это? — меня трясет. — Решили, что я ваша кукла? Не нравится, как я одеваюсь тогда просто найдите себе другую! Те сапоги вообще-то мамины были. Мало вам было меня семьи лишить? Еще и память о них решили отобрать?!

Невозмутимо напяливает мне на ноги новую обувь, задерживая свои пальцы на моих щиколотках дольше необходимого. И наконец возвращает меня в исходное положение спуская мои ноги на коврик.

— Мамины сапоги, это конечно хорошо. Но беременным вредно на каблуках ходить, — строго говорит он. — А в мокрой обуви особенно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.